

Людо зачитал ее размеры. Они гоготали, когда он предположил, что она прекрасно справится с работой на кухне, и охали, когда он упоминал, что ее мышечная масса пригодится в саду. Они ахнули при мысли о том, что она будет вытирать пыль в их поместьях.

Людо танцевал вокруг истины, дразня их, пока наконец не сказал:

"А господа..." Его голос понизился. "Если вам интересно... За это придется доплатить пять тысяч".

Гром. Акустика задрожала от аплодисментов и криков. Одинокий Пожиратель смерти только и делал, что скрещивал ноги.

"Итак, господа... мы начинаем торги с пятнадцати тысяч галеонов".

Пятьдесят палочек взлетели в воздух, оранжевые искры привлекли внимание Людо.

Она сглотнула и посмотрела вниз: Долохов лениво поднял руку.

Как она поняла, жезлы поднимали только на первом этаже. Возможно, на балконы продавали билеты для зрителей.

"Давайте немного прополощем вас, а?" проворчал Людо. "Шестнадцать тысяч".

Только пять палочек опустились.

"Шестнадцать пять". Переходим к шестнадцати пяти, джентльмен", - начал Людо.

Она наблюдала, как медленно опускаются палочки, Долохов и Мультчибер не отставали друг от друга, смеясь над своей маленькой игрой.

У нее затряслись колени, и она подумала, скоро ли она снова увидит еду. Возможно, никогда.

"Восемнадцать тысяч галеонов. Я слышу - да, сэр, восемнадцать тысяч. А как насчет восемнадцати пяти?" Он указал на Долохов. "Восемнадцать пять - Долохову. Еще несколько человек. Деятнадцать?"

Она опустила глаза, наблюдая за неподвижным Пожирателем смерти. Он сидел неподвижно, положив палочку на колени и подперев голову рукой. Выглядел он молодо. Тонкие плечи. Высокий.

"Деятнадцать пять? Да, деятнадцать пять по Малсиберу. У нас есть...?"

"Двадцать пять тысяч". Напряженный голос. Гермиона моргнула, когда все люди в первых трех рядах повернулись, чтобы посмотреть на одинокого человека в маске. Он поднял палочку, из нее посыпались оранжевые искры. Неужели она вызвала его голос, глядя на него?

Шепот и шарканье. Она знала, что Джинни только что продали за чуть большую сумму.

"Э-э, да. Двадцать пять тысяч за..."

"Двадцать шесть", - прорычал Долохов, бросив взгляд на младшего.

"Двадцать шесть пять", - раздалось из четвертого ряда.

"Двадцать семь".

"Двадцать семь пять".

"Двадцать восемь!" крикнул Долохов, раздраженный мальчиком из четвертого ряда.

Мальчик, чей голос выводил "двадцать восемь пять", как будто деньги для него не были проблемой. Мальчик, чьи глаза, как она знала, были холодными за маской. Длинные пальцы крутили его сверкающую палочку. И Гермиона заметила, что это снова был боярышник. Она подумала, не украл ли он его с трупа Гарри.

Долохов заколебался и посмотрел на Людо. "Двадцать девять".

"Двадцать девять пять".

И в ее сознании пронеслась мысль, что сейчас идет аукцион, и через несколько минут она будет принадлежать кому-то.

И Драко Малфой участвовал в торгах.

Театр гудел. Большинство зрителей догадались, что Малфой ставит на Антонина Долохова.

"Тридцать", - твердо заявил Долохов, словно закончил игру в карты.

"Тридцать тысяч пятьсот", - хмыкнул Драко.

Волна шепота схлынула. Гермиона опустила взгляд на свои ноги, обнаружив на туфлях крапинки крови, которые забыли отмыть.

Джинни осталась окровавленной и дикой, а Гермиона - ухоженной и чистенькой. Как у священной кобылы.

"Я слышу тридцать одну тысячу?" спросил Людо, снова заговорив.

Палочка Долохова взлетела в воздух. За ней последовала палочка Драко.

Долохов был так высокомерен, так тверд в своих убеждениях, что мог позволить себе ее. Но у него не было золота, чтобы подтвердить это. Так почему же он...

Её кровь похолодела.

Джинни. Двадцать восемь тысяч галлеонов Джинни теперь принадлежали Долохову.

И Луна. И другим девушкам, которых он поймал.

Если предположить, что у него было четыре девственницы, то теперь у него было много денег для пари.

Яксли и Долохов были во главе Лоты. Их главная охрана. Почему же они оставили их за кулисами в руках развязных юнцов, которые еще даже не приняли метку?

"Тридцать две тысячи", - крикнул один из них, но Гермиона сосредоточилась на том, что голова ее раскалывалась, а плечо болело.

Они что, хотели бунта? Семь стражников против пятидесяти девушек? Это, конечно, выглядело лениво.

На балконе послышался вой.

"Тридцать три тысячи, - констатировал Драко.

Похоть и жажда крови. Вероятно, это увеличило их ставки.

"Тридцать три пять", - шипел Долохов.

"Тридцать четыре". Голос Драко, ленивый и знакомый, убаюкивал ее.

Чего он хотел от нее? Мести? Статус?

"Тридцать четыре-пять".

Дьявол, которого ты знаешь. Она уставилась на маску Драко, сверля его взглядом, умоляя выиграть.

"Тридцать пять тысяч", - сказал он, снова скрестив ноги.

"Не слишком ли круто для тебя, сынок?" Долохов встал лицом к четвертому ряду и снял маску.
"Стесняешься?"

"Крутовато для меня?" Драко рассмеялся. "Я удивлен, что ты можешь считать так высоко".

Долохов снова повернулся к сцене. "Сорок пять тысяч галеонов".

Гермиона сглотнула, прислушиваясь к шипению. Она посмотрела на Драко, который все еще молчал.

"Сколько из этого наследства папа дал тебе, чтобы ты играл с ним, мальчик?" Долохов ухмыльнулся в ответ.

Людо прочистил горло и сказал: "Я слышу сорок пять тысяч. А я слышу сорок шесть?"

Драко поднял палочку. Оранжевые искры.

"Я могу идти всю ночь, Малфой", - сказал Долохов, широко раскинув руки. "Я давно копил на это, и только что заработал пятьдесят две тысячи с моих лотов за этот вечер".

"Пятьдесят три тысячи", - проворчал Драко.

Долохов рассмеялся и снова повернулся к Людо. "Пятьдесят пять".

"Шестьдесят". Голос Драко надломился.

"Шестьдесят одна". Долохов усмехнулся, оскалив желтые кривые зубы.

Она не была уверена, было ли это сотрясение мозга, или свет сцены, или будущее, надвигающееся на нее, но она почувствовала, что ее легкие просят воздуха.

Она знала, что это случится. Что она уедет с Долоховым. Она мысленно готовилась к этому целую неделю. Но надежда не умерла.

Она почувствовала искру возможности, когда Драко Малфой начал торговаться. Она не знала, действительно ли ей будет лучше с ним. Но сейчас, когда он замешкался, прежде чем выкрикнуть "шестьдесят два", она пожалела, что он вообще не стал участвовать в торгах. Теперь она всегда будет гадать.

"Шестьдесят пять тысяч", - усмехнулся Долохов.

Людо белел рядом с ней в ожидании. "Я слышу шестьдесят пять тысяч", - сказал он наконец. Толпа зашевелилась, загудела, перешептываясь. "Я слышу шестьдесят шесть?"

Она не осмеливалась посмотреть на него. Не могла смириться с мыслью, что если посмотрит, то увидит нерешительность в том, как он держит плечи. Может быть, она сможет уловить его мысли, как на Арифмантии, когда он откидывал плечи назад и восстанавливал осанку, прежде чем снова погрузиться в проблему.

"Шестьдесят пять тысяч раз".

Или как на Зельях он смотрел на доску, наклоняя голову в сторону, а потом вдруг хватался за перо и записывал свои мысли на пергамент, словно они могли исчезнуть, если он не поторопится.

"Шестьдесят пять тысяч дважды".

Или на шестом курсе, когда он был отстранен и угрюм, напряженно пытаясь найти решение, а его глаза были отстраненными, холодными и серыми. Безжизненными. Его поза была сгорбленной и маленькой.

Раздался стук молотка.

Мир раскололся, и яростный звук хлынул в ее уши, как лава.

Долохов трусцой взбежал на сцену и встретился взглядом с Макнейром. Свиток. Жжение на левой руке. А потом кулак в ее волосах, оттягивающий голову назад. Долохов был рядом и ухмылялся ей вслед. Он лизнул ее в лицо, и балконы загудели.

Она оттолкнула его. Им это понравилось.

Он рассмеялся и, схватив ее за голову, повалил на пол. Когда она поднялась с колен, Долохов уже махал зрителям, наслаждаясь своей победой, и расстегивал ремень.

Она отползла назад, трясая головой, сотрясая ушибленный мозг.

Яксли улыбался в первом ряду и кричал: "Не раньше, чем я получу свои деньги!".

Она уже не могла разобрать звуки. В ушах слишком сильно шумело.

Когда Макнейр поднял ее на ноги и бросил охранникам за кулисами, она бросила последний взгляд и увидела, что толпа уже на ногах, одно место в четвертом ряду пустует.

<http://erolate.com/book/4319/155152>